

ХУДОЖНИК, УЧИТЕЛЬ, ЧЕЛОВЕК

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ

РОЖДЕНИЯ Р. М. ГЛИЗРА

В эти дни мы отмечаем столетие крупнейшего деятеля советской культуры, старейшины советской музыки. «Послужной список» маститого артиста громаден, его творения неслетны. Забегая вперед, замечу, что мне довелось познакомиться и провести в обществе знаменитого композитора немало незабываемых часов. «Судить по фамилии о моей национальности трудно, — заметил Рейнгольд Морицевич. — Ударение делают часто на первом слове. Это тогда, когда поляки считают меня своим композитором. Они «э» тогда смягчают на «е». Зато когда французы произносят мою фамилию, то они твердо выговаривают «э», делая на нем ударение. Но я — русский композитор...». «Отец не хотел видеть меня музыкантом-профессионалом, говоря: «Му-

ществовались им как в творчестве, так и в общественной жизни. Вспомним, как в самые ответственные годы, когда велика была опасность засорения нашего искусства жупелом формализма, Глиэр твердой рукой вел нашу композиторскую организацию. Именно в советские годы создал он свои шедевры, трижды удостоенные Государственной премии первой степени: монументальный балет «Медный всадник», главная лейттема которого — «Гимн великому городу».

Как хороша музыка Глиэра! Сколько в ней чисто русской распевности, широты, здорового, бодрого духа! Иные из его мелодий, по-видимому, никогда не забудутся, как, например, знаменитый скрипичный романс, вошедший впоследствии в прославленный балет «Красный Мак». Следуя путем Глинки, Чайковского и «Могучей кучки», Глиэр стал одним из «первооткрывателей» богатейшей народной музыкальной культуры братского народа. Азербайджанская опера «Шах-Сенем», а затем узбекская «Гульсара», также и «Героический марш Бурят-Монгольской АССР» обогатили опыт национальных творческих и исполнительских кадров.

Хочется мне поделиться и мыслями о Глиэре человеке, Глиэре-педагоге. В Иркутск маститый музыкант приехал дважды — в 1934 и 1936 годах. Давал концерты из собственных произведений как пианист и дирижер (симфонический оркестр радио), аккомпанировал иркутской певице К. А. Булгаковой. Наше знакомство было случайным. Глиэр зашел в комнату КОРА (клуб Октябрьской революции, ныне здание музкомедии и филармонии), где я проводил репетицию с самодельным оркестром. Играли как раз Глиэра — марш Красной Армии и «Яблочко» из «Красного Мака». Композитор внимательно прослушал всю репетицию и лишь после этого я был ему представлен. А дальше — совместная прогулка по городу, посещение музея, нотного магазина, длительные беседы, переписка. И что меня всегда поражало в Рейнгольде Морицевиче — простая, непринужденная манера общения, сразу становилось так, словно мы знакомы много-много лет, будто с тобой беседует кто-то очень близкий, которому можно довериться во всем. Вот это-то отношение «на полном серьезе», которое отличало Глиэра всегда и вне зависимости от возраста и положения собеседника, и есть проявление высшего дара педагогики, особый врожденный дар мягко и незаметно «залезть в душу», расположить к себе, завоевать доверие. И, как думаю я, эта черта сильно помогала Глиэру при работе с учениками (а кто у него только не учился, имя им — легион). Почитайте недавно вышедшую автобиографию Прокофьева. Его учитель детских лет, еще студент, Глиэр «на полном серьезе» ходил с Сережей на ходулях, играл в войну и с неподдельным увлечением участвовал во всех затеях неугомонного и трудного по характеру мальчика. Но зато в часы занятий «железно» требовал своего, и великая заслуга Глиэра в том, что он не засушил редкий талант Прокофьева, дал расцвести его неповторимой оригинальности и наряду с этим подвел его к Петербургской консерватории во всеоружии, благодаря чему труднейший экзамен у «самых» Римского-Корсакова и Глазунова был выдержан блистательно.

...Много лет протекло. Но и сейчас что-то память и тепло вспоминаю благородный образ человека-гуманиста, давшего так много красоты людям, родной стране. Партия и правительство высоко оценили заслуги композитора, народного артиста СССР и ряда советских республик, доктора искусствоведения, кавалера трех орденов Ленина, ордена Трудового Красного Знамени, ордена «Знак Почета» Рейнгольда Морицевича Глиэра.

Н. ПЯНКОВ.

г. Ангарск.

НА СНИМКЕ: Р. М. Глиэр — фотография, подаренная композитором автору статьи.

зыканты — это благородные нищие. (Его отец был мастером музыкальных инструментов)».

Таким образом, среднее образование Глиэр получил в Киевской гимназии и музыкальное училище. Его главные музыкальные наставники — скрипач О. Шавчик и теоретик Е. Рыб. С осени 1894 года он — студент Московской консерватории. Скрипичную игру изучает сперва у Н. Соколовского, затем у Я. Гржимали, как композитор же он учился у С. Танеева, А. Аренского и А. Ипполитова-Иванова. Окончил Московскую консерваторию Глиэр с золотой медалью. Одна из важнейших черт его характера — необыкновенное трудолюбие и целеустремленность. «...Никто у меня никогда так много не работал в классе, как Глиэр», — писал Танеев Аренскому в 1902 году. Такая «трудолюбивость» вылилась уже в ранние годы в громадное профессиональное мастерство, прежде всего в самой трудной «отрасли» композиторского мастерства — полифонии. Посмотрите, чем Глиэр начинает свою композиторскую карьеру. Крупными камерно-ансамблевыми инструментальными сочинениями: секстетами, квинтетами, октетом. То есть он начинает тем, чем иные композиторы (скажем, Брамс) кончают. Кстати, именно за крупные формы (первый секстет, симфоническая поэма «Сирены», симфония «Илья Муромец») Глиэр трижды награждался премией имени М. И. Глинки, учрежденной другом русской музыки петербуржцем М. П. Беляевым.

Я спросил однажды, вправе ли мы считать его «последним из могикан». «Если имя бывшего в прошлом племени могикан считать нарицательным для обозначения «Новорусской школы» («Могучая кучка»), то я согласен с вами, что, как у Купера, я — последний из тех могикан», — отвечал он. Важно, что преемственность не была просто фразой или музейным экспонатом. Великая заслуга Глиэра в том, что великие заветы русской классики: народность, красота и доходчивость музыки, тесная связь с жизнью всегда и постоянно на деле осу-